

«ЧЕРНЫЙ БЛОК»: НЕУДАВШАЯСЯ ПОПЫТКА КОНСОЛИДАЦИИ ПРАВЫХ ПАРЛАМЕНТСКИХ ГРУПП В 1915 ГОДУ

Работа представлена кафедрой русской истории РГПУ им. А. И. Герцена.

Статья посвящена попыткам объединения правого спектра Государственной думы и Государственного совета в Консервативный («Черный») блок, призванный противостоять Прогрессивному блоку парламентских либералов. На основе разносторонних источников и современной исследовательской литературы в работе предпринята попытка подробной реконструкции неудавшихся усилий блокирования правых и националистов в 1915 г., показаны непреодолимые противоречия между ними, вскрыты внутренние проблемы указанных парламентских групп, объяснены причины провала монархического блока. Ряд материалов, представленных в публикации, впервые вводится в научный оборот.

Ключевые слова: *русская история, Первая мировая война, консерваторы, монархисты, националисты, либералы, Государственная дума, Государственный совет, парламент.*

A. Ivanov

“THE BLACK BLOC”: A FAILED ATTEMPT TO CONSOLIDATE THE RIGHT PARLIAMENTARY GROUPS IN 1915

The article is devoted to the attempts of the right wing of the State Duma and the State Council to unite into the Conservative (“Black”) coalition, called to oppose the Progressive block of parliamentary liberals. Basing on the different sources and modern history literature, this work presents an attempt to reconstruct the unsuccessful efforts to unite the right wing and the nationalists in 1915. The article also shows the insuperable contradictions between them, finds out the inner problems of the above-mentioned parliamentary groups and explains the reasons for the monarchal bloc’s failure. The number of materials presented in this publication is introduced into the scientific sphere for the first time.

Key words: *Russian history, World War I, conservatives, monarchists, nationalists, liberals, State Duma, State Council, parliament.*

Объединение либеральной оппозиции в Государственной думе и Государственном совете во второй половине 1915 г. в Прогрессивный блок, требовавший от самодержавной власти «правительства общественного доверия» и ряда реформ, оживило заметно угасшую в годы Первой мировой войны деятельность крайне правых. После длительного затишья не без содействия Департамента полиции по стране были организованы съезды монархистов, делались попытки к примирению между враждующими друг с другом монархическими организациями (показательно в этом отношении письмо председателя фракции правых С. В. Левашева лидеру Всероссийского Дубровинского союза русского народа А. И. Дубровину [17, с. 483–484], с 1911/12 г. враждовавшего с черносотенными организациями, признающими работу в парламенте) с целью противопоставить Прогрессивному блоку свой монархический, охранительный, так называемый «Черный блок».

Уже в августе 1915 г. (т. е. одновременно с появлением Прогрессивного блока) в кулуарах Государственной думы усиленно распространялся слух о возникновении Консервативного блока. «Мы еще не успели закончить наших переговоров, – вспоминал лидер кадетской партии П. Н. Милоков, – как стали говорить в противоположность прогрессивному – о “черном блоке”, указывая на Государственный совет, как на седалище этого черного блока» [16, с. 316].

Действительно, газета «Утро России» уже 12 августа сообщала, что на квартире лидера правой группы Государственного совета П. Н. Дурново состоялось три заседания, на которых присутствовали представители от правых объединений обеих палат российского парламента (11 августа также начались секретные совещания представителей либеральных групп Госсовета с членами либеральных фракций Госдумы о создании Прогрессивного блока). На этих совещаниях, по сообщению буржуазной газеты, правыми обсуждались вопросы о единении всех консервативных сил, о создании правого кабинета во главе с И. Г. Щегловитовым и о всемерной борьбе с Прогрессивным блоком [20, 12 ав-

густа]. Согласно донесению московского охранного отделения о заседании в начале сентября представителей земских и городских союзов, последние также были немало обеспокоены якобы сложившимся «Черным блоком», в состав которого вошли «германофильская придворная военная партия, меньшинство Совета министров в лице [И. Л.] Горемыкина и [А. Н.] Хвостова и правые крылья обеих законодательных палат», стремящиеся к «узурпации» государственной власти [3, с. 47].

По данным другой либеральной газеты – «Биржевых ведомостей», инициаторами объединения консервативных сил Думы и Совета выступили П. Н. Дурново, И. Г. Щегловитов (от правой группы Госсовета), Н. Е. Марков (представлявший думскую фракцию правых) и П. Н. Балашев (лидер думской фракции националистов и умеренно правых) [2, 10 августа]. В ходе совещаний было решено воскресить опыт сотрудничества правых III Государственной думы и создать Осведомительное бюро для координации действий, которое бы составили представители четырех парламентских объединений: правая группа и группа правого центра («нейдгартовцы») в Государственном совете и фракция правых с фракцией националистов и умеренно правых в Государственной думе.

Во время предварительных консультаций правое крыло Государственной думы с идеей лидеров правой группы Государственного совета согласилось, но при условии, что каждая из групп будет сохранять свою полную самостоятельность, предложив ограничить бюро Консервативного блока лишь осведомительными функциями и создать орган, дающий возможность быстро согласовывать свои действия [12, с. 60–64].

9 августа (в этот же день прошло частное совещание депутатов-оппозиционеров, на котором было достигнуто соглашение либеральных думских фракций о создании Прогрессивного блока) лидер русских националистов П. Н. Балашев (которого «Биржевые ведомости» считали даже «изобретателем Черного блока» [2, 12 августа]) созвал заседание своей фракции, на котором озву-

чил идею более тесного сближения с крайне правыми для противодействия блоку либералов. При этом заслуживает внимания, что сам тяготевший к правым монархистам Балашев тем не менее сделал весьма существенную оговорку, выступая перед членами своей фракции. Прося фракцию одобрить его шаги на сближение с крайне правым крылом, Балашев отметил, что «дело идет не о блоке, а лишь о движении к соглашению, т. к. и после образования осведомительного бюро, каждая фракция сохранит свою самостоятельность» [2, 10 августа]. Тем не менее эти слова, призванные внести успокоение, не смогли удержать фракцию националистов от наметившегося в ней раскола*. Если П. А. Сафонов, К. И. Григорович-Барский, Д. Н. Чихачев, А. Н. Мотовилов, Н. А. Жилин, П. А. Покровский и некоторые другие поддержали своего лидера, то ряд других ярких депутатов-националистов (А. И. Савенко, В. А. Бобринский, К. Н. Рудич, К. Е. Сувчинский и др.) выступили против. Как указывает историк Е. Э. Новикова, на этом же заседании фракции была предложена резолюция, предполагающая создание совместного бюро из националистов, группы центра П. Н. Крупенского и октябристов [12, с. 60].

Чтобы понять мотивацию той и другой стороны, приведем изложенные «Биржевыми ведомостями» позиции двух депутатов-националистов, выступивших «за» и «против» соглашения с черносотенцами. «Мы переживаем сейчас крайне тревожное и чреватое неизвестностью время; все больше и больше говорят об изменении курса. Г.[осударственная] дума делится на два лагеря – консервативный, отстаивающий сохранение существующего строя, и прогрессивный, явственно стремящийся к изменению этого строя и к установлению ответственного министерства; образование ответственного министерства означает, что Россия подпадает под власть Керенских. В столь тяжелое время мы не можем быть одиноки; и т. к. программа нашей партии не допускает ответственного министерства и вообще изменения государственного строя, то нам остается одно – идти с правыми», – заявил на

заседании фракции депутат П. А. Сафонов [2, 10 августа].

В свою очередь противник курса Балашева на сближение с крайне правыми националист А. И. Савенко парировал: «Все то, что ныне переживает наше отечество, должно заставить нас блокироваться налево – с центром и октябристами, а не направо. Нас пугают здесь крушением государственного строя, но сейчас дело идет не об этом, а о том, чтобы дружным единением страны и народного представительства довести войну до победного конца <...> Я против Керенских, но я в такой же мере и против Марковых 2-х. Я предпочитаю золотую середину умеренности. Нам нельзя оставаться одинокими, но для этого мы должны блокироваться отнюдь не с крайними правыми. Образование же “осведомительного бюро” страна правильно поймет именно как постоянный наш блок с крайне правыми» [2, 10 августа]**.

Поэтому 13 августа «Утро России» спешило порадовать своих читателей сообщением, что «провал “черного блока” уже намечается, и балашевцы начинают бить отбой. Они ведут переговоры с представителями левых националистов, начавших собирать подписи для заявления о выходе из фракции, о том, чтобы они остались. Последние ставят условием пребывания во фракции – выход в отставку всего совета фракции вместе с П. Н. Балашевым» [20, 13 августа]. В заявлении, о котором упоминает газета, говорилось, что стремление Балашева блокироваться с крайне правыми «при одновременном полном отсутствии соглашения с органами умеренных политических групп в обоих законодательных учреждениях», является «несоответствующим политическим взглядам и программе национального союза, сдвигом партии вправо» [18, с. 282]. Сторонники позиции А. И. Савенко во фракции националистов назвали стремление Балашева объединиться с правыми «вредным и опасным шагом», а сам Савенко с осуждением констатировал, что политика Балашева стала стремительно праветь после смерти П. А. Столыпина, и привела к тому, что партия «нашла тихую пристань в объятиях гг. Дурново, Щеглови-

това, Маркова 2-го и Замысловского» [20, 16 августа]. Правые националисты, пытаясь уговорить своих товарищей по фракции сохранить целостность последней, согласились на отставку совета, но это не удовлетворило левых, потребовавших «в качестве гарантии» отказа Балашева от депутатского звания [18, с. 282].

В результате 13 августа 1915 г. фракция националистов раскололась, и недовольная политикой Балашева группа, составившая со временем 36 депутатов, организовала самостоятельную фракцию «прогрессивных националистов», примкнувшую к оппозиционному Прогрессивному блоку.

Не получила поддержки идея «Черного блока» и в группе правого центра Государственного совета. Ее лидер А. Б. Нейдгарт (шурин П. А. Столыпина, националист по своим политическим взглядам), по свидетельству члена группы В. М. Андреевского, на его вопрос о «Черном блоке» заявил, что «такого блока не существует и никаких переговоров о заключении блока каких-либо групп не велось» [2, 12 августа]. Правда, при этом Нейдгарт указал, что каждый отдельный член группы имеет полное право вступать в личные соглашения, с кем считает нужным.

Серьезные внутренние противоречия были и в парламентских группах крайне правых, выступавших в поддержку объединения консервативных сил. Так, внутри правой группы Государственного совета, лидера которой П. Н. Дурново считали главным идеологом организующегося «Черного блока», в ходе переговоров о консолидации с другими парламентскими объединениями наметились шатания. Часть правой группы потребовала от своего президиума изменения курса групповой политики и более благожелательного отношения к Государственной думе, а после отказа руководства удовлетворить эти требования, заявила, что не поддержит объединения, основанного на крайне правых установках. В результате несколько членов Госсовета покинули правую группку, перейдя в группу правого центра (С. И. Зубчанинов, В. И. Карпов, Н. И. Клунников, А. П. Надеждин, А. Н. Наумов (вначале перешел в кружок внепартийного

объединения), Я. Н. Офросимов, А. М. Эрнстов), кружок внепартийного объединения (А. Г. Булыгин) [4, с. 324–325]. При этом Булыгин указал, что «не желает подчиняться групповой дисциплине, в силу которой приходится голосовать против проектов и Думы и правительства» [12, с. 60].

Чтобы удержать группу правых от дальнейшего распада, П. Н. Дурново принял вынужденное решение отказаться от лидерства, передав бразды правления графу А. А. Бобринскому, «как лицу более гибкому в смысле убеждений» [12, с. 60]. «Появившиеся в печати сведения о происходящем в нашей группе расколе, к сожалению, совершенно верны, – констатировал А. А. Бобринский в интервью либеральной газете. – Говорю – с сожалением, потому что я искренно жалею о выходе из группы уважаемых земских деятелей Карпова, Офросимова и др., тем более что взгляды этих лиц очень близки моим собственным. Избрание мое следует рассматривать как торжество умеренно правой группы, допускающей необходимость политических уступок обществу и представителям иных течений. Сторонники моих взглядов, а их, очевидно, большинство, раз я избран председателем, – определили линию моего поведения, как и все искренно любящие родину, и потому допускают неизбежность известного сдвига влево. Скажу больше, – что лично я этот сдвиг нашей группы влево считаю настолько значительным, что по многим вопросам между нами и Милюковым нет почти никакой разницы. Мое и нашей группы желание заключается в том, чтобы рассеять циркулирующие в обществе и печати слухи о существовании какого-то “черного блока”, подкапывающегося под устои народного представительства. Черный блок существует только в воображении корреспондентов и некоторых членов Государственной думы, которым, очевидно, для своих целей выгодна эта игра. Наоборот, мы со своей стороны стремились всячески наладить работу с представителями групп, стоявших левее нас, и я лично просил, чтобы меня приглашали на заседания так называемого Прогрессивного блока...» [20, 25 августа].

Разумеется, что подобное заявление нового председателя правой группы практически хоронило идею формирования Консервативного блока. Но оно, как оказалось, было ближе большинству членов правой группы, нежели курс, проводимый П. Н. Дурново. «Быть может, в этом сдвиге больше политической прозорливости и рассудочности, чем искреннего воодушевления, больше ума, чем души, но факт остается фактом: большинство советских правых не разделяет непримиримой ортодоксальности Дурново и Маклаковых...» – писало «Утро России» [20, 25 августа]. Газета приветствовала «этот знаменательный “сдвиг влево”» и выражала неподдельную радость тем, что «меньшинство, значительное меньшинство советских правых составляет фронду либеральному правительству» [20, 25 августа].

Это вполне подтвердили дальнейшие события. После «откровений» А. А. Бобринского, лишь один член правой группы, приверженец взглядов Дурново князь А. Н. Лобанов-Ростовский, заявил о своем выходе из группы, мотивировав свое решение «чересчур левыми» взглядами графа. В своем заявлении, направленном в бюро группы, Лобанов-Ростовский писал, что не может оставаться в группе, избравшей председателем человека, который «своей уступчивостью духу времени» договорился «до возможности создания у нас ответственного министерства не перед Государем, а перед законодательными палатами» и сделавшим группу «далеко не правой». «...Я увидел, что группы правых не существует, <...> что неизбежно дальнейшее движение группы в различные “политические дебри”», – сетовал князь [20, 25 августа]. Впрочем, уже 19 сентября 1915 г. Лобанов-Ростовский обратился к А. А. Бобринскому с новым заявлением, в котором называл свой уход из группы правых ошибкой, признавал отсутствие у него разногласий с курсом, взятым новым руководителем, якобы, неправильно вначале им понятым и просил принять его обратно в состав группы, что и было сделано.

Сходные процессы происходили и в думской фракции правых. Еще до войны во

фракции наметился ряд серьезных разногласий между крестьянством и духовенством, с одной стороны, и представителями дворянства – с другой. Так, 30 октября 1913 г. на собрании крестьянских депутатов, созванном по инициативе крестьян-прогрессистов, правые крестьяне заявили, что они совершенно не согласны с той политикой, которую ведут в их фракции «господа», но просили не оглашать их признание, так как лидеры фракции правых постоянно пугают их возможностью роспуска Думы и грозят им всевозможными личными репрессиями [8, с. 141–146; 9, с. 26–36]. Примерно таким же было положение во фракции большинства священников. В июне 1913 г. представители духовенства даже пожелали выйти из фракции, недовольные «слишком самодержавным поведением» своих лидеров, которые «лишь предписывали голосовать за те или иные решения, но никогда не давали своим софракционерам возможности высказаться по существу предполагаемых постановлений». Но тогда «мятежное» духовенство было остановлено обер-прокурором Синода, который высказался не в пользу раскола, объяснив, что духовенство служит идеи, а не лицам и, кроме того, должно своим присутствием облагораживать нравы фракции и в духовном смысле воздействовать «на заблуждающихся, но верных сынов церкви» [6, № 7, с. 20–21]. Подобные сепаратистские настроения наблюдались и среди некоторых представителей дворянства, вылившиеся в разделение фракции на «зарвавшихся марковцев» и «умеренных хвостовцев» [1, с. 49] – т. е. сторонников крайне правого неформального лидера фракции правых Н. Е. Маркова и более умеренного председателя фракции А. Н. Хвостова (Подробнее о конфликте Маркова и Хвостова: [7, с. 195–196]). Первые – «марковцы» – стояли на позициях полной непримиримости, считая, что все их требования должны быть выполнены и никакие компромиссы невозможны; вторые – «хвостовцы» – доказывали необходимость примирительной тактики и сотрудничества «со всеми здоровыми силами» Государственной думы, так как в противном случае большинство Думы обойдется вовсе

без правых и «вышвырнет их за борт» [6, № 4–5, с. 9]. Так как убедить Н. Е. Маркова проводить более гибкий курс не удалось, в том же 1913 г. А. Н. Хвостов вместе с депутатом П. А. Барачем обратились к секретарю фракции националистов Чихачеву с заявлением, что они сами и их единомышленники, составляющие во фракции правых самостоятельную умеренно-правую группу, желали бы выйти из состава своей фракции и присоединиться к националистам, поскольку они решительно не сочувствуют процессу самоумерщвления, на путь которого вступают непримиримо правые [6, № 4–5, с. 7]. При этом недовольных политикой Н. Е. Маркова набралось около 45 человек (учитывая, что на начало легислатуры IV Государственной думы во фракции правых было 64 человека). Но тогда лидер думских националистов П. Н. Балашев, «ввиду союзных отношений» предупредил о сложившемся прецеденте лидеров правого крыла, и грозящей фракции правых раскол был предотвращен путем компромисса: фракцию покинули лишь самые недовольные – П. А. Барач и А. П. Горсткин, перешедшие к националистам. Зимой 1914 г. ситуация практически повторилась. «Во фракции правых не прекращается внутренний, грозящий открытым распадом антагонизм между крестьянами, с одной стороны, священниками – с другой, и партийными вождями – с третьей», – сообщал Л. К. Куманин [6, № 11–12, с. 19]. Лишь начало Первой мировой войны и необходимость сплоченной работы на время приостановили разрушительные тенденции внутри фракции правых (ее распад произошел в конце ноября 1916 г.). Но образование Прогрессивного блока и раскол во фракции русских националистов привели к новым шатаниям. Так, священники И. М. Караваев и С. В. Сырнев в 1915 г. покинули правую фракцию и перешли к прогрессивным националистам [19, стлб. 1213; 13, 19 августа]. В рядах независимых депутатов оказался вскоре и бывший руководитель фракции А. Н. Хвостов.

Однако, несмотря на провал переговоров между правыми парламентскими группами и серьезные внутренние проблемы внутри них,

либералы продолжали бить тревогу, опасаясь, что, в конце концов, платформа для консолидации консервативных сил все-таки будет найдена. Так, издание прогрессистов «Утро России» в одной из своих публикаций договорилось до того, что формирующийся «Черный блок» является на деле... красным, т. к. намеривается... штурмовать власть. «Этот двухпалатный “черный блок” по существу не что иное, как блок красный <...> Этот блок, это четвертное согласие групп Дурново, Нейдгарта, Маркова и Балашева, задается даже, как видно, еще более державной, с бюрократической точки зрения, целью: он готов штурмовать самое правительственную власть в ее нынешнем составе, ту власть, что дала себя “обойти”, пошла на “уступки” общественным силам. <...> Представители “консервативных мировоззрений” считают себя освобожденными от долга повиновения этой власти и идут бунтом на нее. <...> Душой этого “бунтарского” движения является П. Н. Дурново, этот Вий российской реакции...» [20, 13 августа]. Объясняя, почему газета считает правых, стоящих на страже самодержавной монархии, «бунтовщиками» и «красными реакционерами», «Утро России» отмечало, что в отличие от европейских консерваторов, выступающих охранителями «того, что есть», русские правые являются «“охранителями” того, что было и чему нет возврата» [20, 13 августа]. Не жалея ярких красок для описания еще даже не созданного правыми блока («черное братство реакции», создаваемое для «черной, гнусной, закулисной работы»), издание пугало читателей, что его формирование «приведет Россию к гибели» [20, 13 августа] (при этом, естественно, давалось понять, что Прогрессивный блок, на деле ведший страну к революции, является для России спасением).

Однако, видя невозможность правых договориться между собой, тональность либеральных изданий с грозно-обличительной сменилась на иронично-издевательскую. Неудавшиеся переговоры крайне правых с умеренными и националистами «Биржевые ведомости» уже 14 августа высмеяли в фельетоне «Черный блок», в котором, в частности,

были такие строки, гротескно рисуящие активность П. Н. Дурново в стремлении сформировать противовес либеральной оппозиции и, якобы, раздающего следующие указания своим единомышленникам:

«Ступай же в Думу ты, Евгеньевич***,
буй-тур,
А следом за тобой пойдет и Щегловитов.
И в Государственный отправится совет:
Вербовщиками вас я назначаю,
И в кадры возникающего блока, –
Чернейшего из черных единений, –
Вербуйте мне среди националистов
Достойнейших и преданных людей...» [14].

Однако попытки привлечь к консервативному блоку националистов, как указывалось выше, окончились полным провалом. Близкая думским националистам группа правого центра Государственного совета в лице своего руководителя А. Б. Нейдгарта так и не поддержала идею объединения (хотя и не стала примыкать к Прогрессивному блоку), а фракция националистов и умеренно правых Государственной думы вскоре раскололась на «прогрессивных националистов» во главе с В. А. Бобринским, В. В. Шульгиным, А. И. Савенко, которые поспешили примкнуть к Прогрессивному блоку, и националистов-балашевцев, отказавшихся идти вместе с оппозицией, но в то же время не ставших примыкать и крайне правым. По сообщениям прессы, не найдя поддержки значительной части фракции идее объединения с правыми, Балашев накануне раскола в рядах националистов стал вести переговоры с центром и октябристами о создании совместного информационного бюро, что должно было бы позволить создать в Думе консервативно-либеральный блок****, дистанцирующий от крайне правых и Прогрессивного блока. Однако и эта попытка была обречена на провал: фракции центра и октябристов заявили Балашеву, что им по пути «со всеми прогрессивными течениями» Государственной думы, а правые осудили лидера националистов за «двойное подданство» [2, 12 августа].

В результате, как отмечает историк Д. А. Коцюбинский, не примкнувшие к Про-

грессивному блоку националисты-балашевцы вскоре проявили «соглашательскую» по своей сути политику по отношению к оппозиционному лагерю, подчиняясь во многих случаях мнению думского большинства (т. е. Прогрессивного блока) [10, с. 204–206].

Однако лидеры правой группы Государственного совета не оставляли усилий по консолидации верных самодержавию сил. В ответ на декларацию Прогрессивного блока ими был выработан проект собственной декларации, лейтмотивом которой был призыв к членам верхней и нижней палат российского парламента последовать призыву императора и оставить любые преобразования, не имеющие прямого отношения к войне, до победы над Германией. Подписать эту декларацию было предложено и нейдгартовцам, однако группа правого центра нашла ее «по существу неприемлемой». Не помогли и попытки правой группы убедить нейдгартовцев в том, что редакция декларации не окончательна и может быть несколько изменена в угоду группе правого центра. Компромисса достичь так и не удалось, поскольку нейдгартовцы отвергли его, обосновав свой отказ нежеланием нового раскола между членами законодательных палат [20, 8 сентября]. Таким образом, правое объединение вновь не сложилось.

Серьезным ударом попыткам консолидации правых сил стала смерть лидера правой группы Государственного совета (правда уже неформального) П. Н. Дурново 11 сентября 1915 г., являвшегося по оценке либералов «как бы живым протестом против нового духа времени» [15]. «Реакция лишилась одного из преданнейших своих слуг, общественность России видит сходящим в могилу злейшего своего врага», – ликовало «Утро России» [20, 12 сентября]. Ликование это вполне объяснимо, учитывая, что помимо своей «реакционности» Дурново, по свидетельству видного консервативного мыслителя Л. А. Тихомирова, был «человек замечательно умный», «гениальных способностей, огромной силы, неподражаемой работоспособности, и почти чудесной пронизательности», «удивительных дарований» и обладавший «натурой бойца» [5, с. 127, 128].

В результате «Черный блок» из-за огромного количества разногласий между правыми так и не был создан. Крайне правым не удалось ни привлечь на свою сторону ни группу правого центра Государственного совета, ни удержать от раскола фракцию русских националистов, не говоря уже о тщетных надеждах привлечь на сторону правого фланга группу центра и правых октябристов. Более того, шатания обнаружались и в самых консервативных группах Думы и Совета. Но, пожалуй, главной причиной провала соглашения между правыми стало то обстоятельство, что инициаторам

создания «Черного блока» так и не удалось найти предмета для соглашения между консервативными парламентскими группами и выработать четкую программу действий, а одних лозунгов уже было мало. В итоге правые оказались в явном меньшинстве, но решимости своей в борьбе с оппозицией не оставляли. Хотя, в отличие от своих политических противников, правым так и не удалось создать какого-либо совместного объединения, оформленного хотя бы в виде общей декларации, шаги в этом направлении делались ими вплоть до 1917 г. и были прекращены разразившейся революцией.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Согласно данным А. В. Лопуховой, уже накануне Первой мировой войны внутри фракции националистов и умеренно правых существовало два явно выраженных крыла: сторонников П. Н. Балашева, ориентированных на сближение с крайне правыми (правые националисты), и группы, ведомой депутатами-киевлянами: В. В. Шульгиным, А. И. Савенко, В. Я. Демченко, выступавшей за альянс с октябристами [11, с. 152]. А накануне фракционного заседания, 4 августа 1915 г. Савенко свидетельствовал, что «фракция националистов расплывается по швам», при этом затрудняясь объяснить «в чем именно заключается различие между ними (левыми националистами. – А. И.) и фракциями, левее их сидящими» [19, с. 281].

** Позиции А. И. Савенко, взявшего курс на блокирование с либералами, удивляться не приходится, если обратиться не к его публичным речам довоенного времени, выдержанным в духе умеренного консерватизма, а к частной переписке. Так, в одном из писем жене еще в марте 1913 г. депутат писал: «Отныне я революции не боюсь, она, даже она, гораздо патриотичнее, чем наше гнусное правительство, чем вся эта паршивая бюрократия, совершенно равнодушная к России» [11, с. 152].

*** Речь идет о лидере фракции правых в Государственной думе Николае Евгеньевиче Маркове, курском депутате, иногда подписывавшем свои статьи в правых изданиях псевдонимом «Буй-тур» в честь прозвища курского князя Всеволода Святославича, одного из главных героев «Слова о полку Игореве».

**** Националист А. И. Савенко писал о П. Н. Балашеве: «...Наш лидер Балашев, хотя он и правее, чем большинство его фракции, однако он всегда подчиняется решительно выражаемому желанию большинства» [6, № 9, с. 26].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бадаев А. Е.* Большевики в Государственной думе. Большевистская фракция в Государственной думе и революционное движение в Петербурге. М.: Партиздат, 1937. 307 с.
2. Биржевые ведомости. 1915.
3. Буржуазия накануне Февральской революции / Подготовка текста Б. Б. Граве. М.; Л.: Центрархив, 1927. 204 с.
4. *Демин В. А.* Верхняя палата Российской империи. 1906–1917. М.: РОССПЭН, 2006. 376 с.
5. *Дневник Л. А. Тихомирова.* 1915–1917 гг. / сост. А. В. Репников. М.: РОССПЭН, 2008. 440 с.
6. *Донесения Л. К. Куманина* из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 – февраль 1917 года // Вопросы истории. 1999.
7. *Иванов А. А.* «Алексей Хвостов – у власти». Портрет правого политика // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена: Общественные и гуманитарные науки: Научный журнал. 2008. № 11 (66).

8. *Иванов А. А.* Последние защитники монархии. Фракция правых в году Первой мировой войны (1914 – февраль 1917). СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 208 с.

9. *Иванов А. А.* Фракция правых IV Государственной думы в конце 1916 – начале 1917 г.: от раскола к распаду // Вестник молодых ученых. Серия исторические науки. 2003. № 1.

10. *Коцюбинский Д. А.* Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М.: РОССПЭН, 2001. 528 с.

11. *Лопухова А. В.* Националисты в Государственной Думе Российской Империи: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2005. 217 с.

12. *Новикова Е. Э.* Государственный совет в годы Первой мировой войны. 1914–1917 гг. (из истории кризиса «верхов» накануне Февральской буржуазно-демократической революции): дис. ... канд. ист. наук. М., 1985.

13. Новое время. 1915.

14. *Онегин.* «Черный блок» // Биржевые ведомости. 1915. 14 августа.

15. *Оскольский Н.* Дурново // Утро России. 1915. 12 сентября.

16. Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний данных в 1917 г. ЧСК Временного правительства. Л.: Государственное издательство, 1926. Т. VI. 402 с.

17. Правые партии. 1905–1917. Документы и материалы: в 2 т. / Сост., вступ. ст., коммент. Ю. И. Кирьянов. М.: РОССПЭН, 1998. Т. 2. 1911–1917 гг. –816 с.

18. *Санькова С. М.* Русская партия в России. Образование и деятельность Всероссийского национального союза (1908–1917). Орел: Издатель С. В. Зенина. 370 с.

19. Список членов Гос. Думы IV созыва IV сессии 1915 г. // Государственная дума. Созыв IV. Сессия IV. Пг., 1915.

20. Утро России. 1915.